

Галина Иванова

«Россия оживает»

Пастернак
у Кисина в Рязани

Рязань
2019

ББК 83..3 (2 Рос. - 4 Ряз.) 6

К44

Галина Иванова. «Россия оживает». Пастернак у Кисина в Рязани; авт. Г.П. Иванова. – Рязань: ИП Жуков В.Ю., 2019. – 40 с.: фот.

ISBN

В книге впервые опубликованы сведения и документы, рукописи, фотографии, хранящиеся в РГАЛИ, в НИОР РГБ, в ОР ГМИРЛ им. В.И.Даля, в фондах и в НБ РИАМЗ, в РОУНБ им. М.Горького.

ISBN

ББК 83. 3 (2 Рос. - 4 Ряз.) 6

© Г.П. Иванова, 2019

© В.Ю. Жуков, 2019

Галина Иванова

«Россия оживает»

Пастернак у Кисина в Рязани

Рязань

2019

3

«Россия оживает» Пастернак у Кисина в Рязани

«Россия оживает, и в Салтыкова-Щедрина просится уже не провинция, а в сравнении с её разумной жизнерадостной человечностью, – скорее уже сама Москва»¹, – летом 1920 года писал Борис Пастернак родственникам в Москву из Касимова под впечатлением свободы, которая в Рязани «взметнулась неистово» вечерами и выступлениями Рязанского отделения Всероссийского Союза Поэтов, Рязанского Дома искусств, коллективными сборниками стихов рязанских и московских поэтов.

В это время он жил в Касимове у своего дяди доктора Иосифа (Осипа – как по-свойски любовно звали его местные жители) Исидоровича Кауфмана.

*Борис Леонидович Пастернак.
Фото В.Н. Авдеева*

Создание в России свободных объединений литературы и искусства не только в столице, но и в глубинке – это была политика нового государства, которую осуществлял просвещёнейший комиссар Анатолий Васильевич Луначарский, получивший оценку своей талантливой работы: «...Луначарского сечь за футуризм».

Россия возрождалась свободным первым в Рязани отделением Всероссийского союза поэтов, Рязанским Домом искусств, сборниками стихов рязанских и московских поэтов с участием не только поэтов, но и художников, которым не суждено было пережить свой взлёт. Заорганизованные обсуждениями, решениями и постановлениями далёких от искусства чиновников Свободные Художественные мастерские (в которых художников удалось разьединить, а Малявина отстранить от руководства с последующим погромом его мастерской – кражей картин и угрозами, заставившими его, спасая своих любимых жену и дочь, уехать из России) стали «утопией», как метко обозначил эту ситуацию историк Александр Никитин.²

Созданные Вениамином Кисиним объединения высокой культуры могли существовать только благодаря его самоотверженной титанической работе как личности одарённой и, конечно, его таланту организовать, сплотить и представить их участников.

*Вениамин Моисеевич Кисин. 1910-е.
РГАЛИ, 2255, 2, 22, л.2.*

Россия оживала свободными объединениями с удивительно сплочёнными, преданными искусству поэтами: Николаем Иконниковым, который в альбом Бориса Кисина 26.1.1922 года не мог не написать «На память о содружной работе на ниве чистого искусства», Дмитрием Майзельсом, написавшим в стихотворении «Памяти Вени» не просто слова, а пережитое и всегда глубоко понятое, и самим Вениамином Кисиным, который за три месяца до гибели написал: «Борису Кеверу, который будет с нами», поместил «Отрывок из романа «Всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам, <...> Вербы весенняя весть» и подписался «Люминист Вениамин Кисин Рязань. 14.1.22 г.».³ Натальей (Таточкой, как звал её Вениамин Кисин) Кугушевой, не оставившей Бориса Кисина в его и своём горе в своих стихах:

«...Наша грусть над чужим стихом –
Это юность была, это – радость.
Милый сверстник, Вы не тоскуйте, –
Эту ль жизнь поместить на плечах.

Догорает устало свеча,
И стихов догорают лоскутья,
Но по-прежнему ясен закат,
И плывёт над старой Рязанью
(Золотое воспоминанье!)
Белых яблонь густой аромат....
Ранней смерти цветком кровавым
Был увенчан наш друг и брат –
Те апрельские дни звучат,
Как зловещая медь литавров.
Но храним мы неугасимый
Звёздный отблеск его стихов,
Где горячую «киноварь» слов
На вершину внесли серафимы...».

*(ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля, 366, 1, 3, л. 46.
Автограф Н. Кугушевой).*

Неимоверных усилий, таланта поэтического и организаторских способностей эта свобода стоила Вениамину Кисину, сумевшему вдохновить и сплотить Тараса Мачтета, («охранной грамотой» которому служило стихотворение «Замучен тяжёлой неволей...» его отца Г.А. Мачтета, ставшее песней-гимном большевиков, которую пел и В.И. Ленин. Тарас Мачтет не только писал стихи и статьи о литературе, но и, как «специалист по 1917-му году», писал статьи, выступал, приглашал на свои выступления)⁴; Николая Рещикова, Семёна Лягина, Андрея Манаева, Зиновия Явица, Якова Апушкина, выступавших на литературных понедельниках и четвергах Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов и Рязанского Дома искусств в «зале отдела просвещения», на организованных Рязанским отделением Всероссийского союза поэтов поэзо-концертах, на митингах с выступлениями и представителей местной власти в Красном зале, и вместе с другими авторами публиковавших свои статьи и стихи не только на страницах коллективных сборников рязанских и

московских поэтов, но и на страницах газеты «Известия» Рязанского губернского исполнительного комитета с такими обеспечивающими их свободу публикациями: Семён Лягин – статья «Задачи пролетарского искусства», Яков Апушкин – стихотворение «Революция – огненный лебедь...», Объявление о выступлении «пролетарских поэтов» Дмитрия Майзельса и Вениамина Кисина. В коллективных сборниках, подготовленных Кисиным, участвовали 62 автора. А Борис Кисин был не только участником сборников как художник и поэт, но и сотрудником Рязанского губернского отдела народного образования.

Рязанское отделение Всероссийского союза поэтов (председатель Дмитрий Майзельс, секретарь Вениамин Кисин) было разрешено в мае 1920 года, и Сергей Есенин, 24 августа 1919 года избранный в Президиум Всероссийского союза поэтов, участвовал в определении места проведения заседаний в Рязани, он был против размещения РО ВСП в Баграмове, к удивлению Тараса Мачтета. А о Рязанском Доме искусств в Баграмове (руководитель поэтической секции Вениамин Кисин) «Вениамин Кисин и слушать не хотел».

Первое организационное собрание инициативной группы Дома искусств состоялось 31 августа 1919 года.⁵ Эти свободные объединения были настолько свободны, что Рязанский Дом искусств начал свою работу с первого организационного собрания инициативной группы и до его разрешения «был незаконно», как писал Д. Майзельс Т. Мачтету и обещал приехать в уже разрешённый: «Ждите меня к открытию».

«Четверги и понедельник» Рязанского Дома искусств, Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов проходили в «зале Отдела просвещения», «в Отделе зала Дома просвещения» - в здании Рязанского Губернского Исполнительного Комитета (на углу Радищева и Свободы), где размещался целый ряд служб, в том числе Рязанский Губернский отдел народного образования и Рязанский Губернский отдел народного просвещения, заведующим которых был Михаил Иванович Воронков.⁶

Здание Рязанского губОНО («Дом просвещения»),
угол Мальшинской и Левицкой улиц. Фото 1923 г. РИАМЗ

*Фото и его атрибутирование из книги А. Никитина:
М. Воронков. Интеллигент и эпоха: Документы, Воспоминания и
статьи (1911-1941). Рязань.2013. (ОКр.РОУНБ).*

В 1920-х годах публикации в газете «Известия» Рязанского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов подтверждают, что в здании Рязанского Губернского Исполнительного Комитета (на углу Радищева и Свободы) находился целый ряд служб, в том числе Рязанский Губернский отдел народного образования (ГубОНО), Рязанский Губернский отдел народного просвещения, заведующим которых был Михаил Воронков, и целый ряд подотделов.

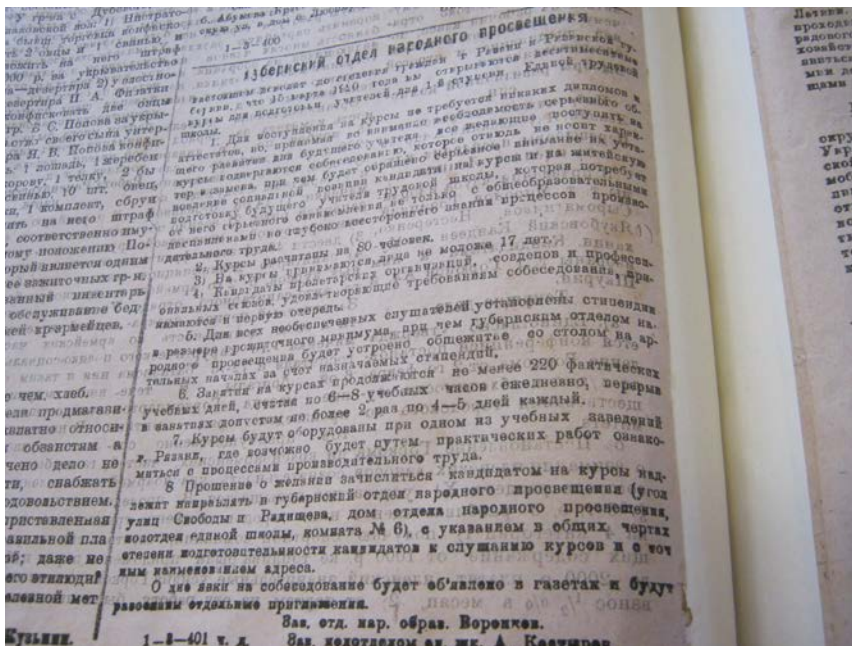
НБ РИАМЗ, НБ ГАРО:

№ 38. 19 февраля 1920, с. 4.

«Губернский отдел народного просвещения»

(Объявление об открытии 10-месячных курсов для подготовки учителей для 1-й ступени Единой трудовой школы).
«Прошения <...> надлежит направлять в Губернский отдел народного просвещения (угол улиц Свободы и Радищева), дом отдела народного просвещения <...>.

Зав. отделом народного образования Михаил Воронков
Зав. подотделом единой школы А. Костырев».

№ 44. 26 февраля 1920, с.4.

«Рязанским отделом народного просвещения созывается губернский съезд по народному образованию.

Зав. губернским отделом народного просвещения М.Воронков».

№ 145. среда 30 июня 1920.

«Губернский подотдел искусств (театральная секция) объявляет, что в Советском театре организуется хор. Лица,

обладающие голосовыми средствами и желающие поступить в хор, могут обращаться за справками в помещение Рязгубнаробраза на углу ул. Свободы и Радищева <...>).

В Рязань не один раз приезжал друг Сергея Есенина Рюрик Ивнев и как поэт, и как секретарь А.В.Луначарского. И после «оплошности Иконникова» изгнанный Воронковым Дом искусств был возрождён лично Анатолием Васильевичем Луначарским.

Тарас Мачтет пишет в своём Дневнике № 42 29 июня 1920 года:

«За последние дни в моей до сих пор бурной жизни наступило затишье, закончившееся вчера ... возвращением из Москвы Манаева и собранием у него.

<...> Он вернулся только третьего дня и привёз наши все бумаги с утверждением и сообщением о признании полной сметы нашей и о встрече своей по поводу неё с

А.В.Луначарским. По определению Дворца искусств он объявляет нас своим отделением и передаёт бразды правления в руки Симонса, Манаева, Кисина, мои и Майзельса.

Третьего дня Манаев привёз все документы присоединения к Дворцу искусств и наши сметы. Он торжествует, как и все мы». (НИОР РГБ, фонд 162 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет, к.6, ед. хр. 4. Дневник Тараса Мачтета № 42. 1920 г. 14 июня-9 июля. Сс.67, 67 об., 68).

9 июля 1920 года Тарас Мачтет записывает:

«Вчера <...> Иконников во всеуслышание заявил, что Луначарский утвердил нашу инициативную группу.

Мы победили и вот вчера вновь снова собрались ... (ещё месяц назад за оплошность ... Манаева (Иконникова. Далее Мачтет исправляет эту неточность. – Г.И.) изгнанные Воронковым) все наши члены уже год существующего Дома искусств и своей сплочённостью удивили многих.

Наш второй вечер <...> ознаменовался не менее торжественным образом уже признанного Дома искусств в зале Отдела просвещения, той зале, где мы собирались когда-то в дни нашего нелегального существования.

И вот вчера снова собрались (откуда ещё месяц назад нас за оплошность Иконникова изгнанные Воронковым) все наши старые и новые члены уже год существующего Дома искусств и своей сплочённостью удивили многих». (Там же, сс. 87, 87 об., 88).

Записи Тараса Мачтета в его Дневнике № 43:

«24 июля 1920-й год, суб.

Наши руководители Дома искусств и мои друзья, уехавшие в Москву, понемногу возвращаются»;

«Рязань, 27 июля, вторник.

Работа Дома искусств, несмотря на проволочки и отсутствие сметы, всё шире и шире раздвигает свои рамки и привлекает к себе симпатии.

...За год существования ... у нас уже есть своя публика, свой класс почитателей, друзей и знакомых, которые на вечерах и понедельниках всё плотнее и плотнее окружают стол в

Отделе зала Дома просвещения, за которым надзирает инициативная группа.

«Расшевелили-таки мы Рязань», – сказал мне на днях Кисин, зайдя ко мне в сад на «яблоки» как-то под вечер.

Кисин за год так выдвинулся.

А изданием «Голгофы строф», вечерами музыки и поэзии, студиями мы ударили не в бровь, а в глаз Москве <...>

Не верится, что всё это происходит в Рязани»;

«Рязань 1920 7 августа

Третьего дня состоялся наш третий вечер Дома искусств. Устроили мы его в Отделе просвещения в той самой зале, где мы собираемся по понедельникам и где в прошлом году выступали и читали стихи в первый раз. По общему соглашению подобные вечера ... устраивались каждый четверг.

За этот вечер все поэты в первый раз получили по 1000р.

Читали стихи Манаев, и Кисин, (нрзб.) Иконников, и Т.А.Иванова танцевала».

«Центром культурной жизни Рязани стал «Дом искусств». Заведовал им Яков Францевич Симонс, преподаватель математики, любитель литературы, искусства». Вениамин Кисин был руководителем поэтической секции. Балетной студией «руководила Татьяна Александровна Иванова, ставшая впоследствии исследователем творчества М.Ю. Лермонтова». Выступали будущие известные литераторы Анатолий Шишко и Степан Злобин, художник Г. Тиходеев, Вадим Рындин, ставший главным художником Большого театра, Народным художником СССР, поэт Сергей Оленин – псевдоним Сергея Александровича Ценина. «В Доме искусств слушали не только местных литераторов, но и Б. Пастернака и Б. Пильняка»⁷, – писал в своих воспоминаниях Борис Кисин.

*Борис Моисеевич Кисин. Фото.
РГАЛИ. 681,1,1104.*

Приехав в Касимов, летом 1920 года Борис Пастернак приезжает к рязанским поэтам в уже разрешённый Дом искусств как отдел Московского Дворца искусств.

22 июля 1920 года Тарас Мачтет записывает в своём Дневнике № 43:

«– А я очень интересное письмо получил, – сообщил между прочим собранию Симонс.

– От кого?

Вместо ответа нам – длинное письмо к нему Пастернака из Касимова, в котором он нас всех приветствует, благодарит за приём и собирается нас посетить снова, если мы ему дадим возможность заработать 10 000 в Рязани на выступлении у нас.

Все заговорили о Пастернаке...

– Как же мы устроим ему 10 000?

– Устроим вечер его стихов, – сказал Кисин. – И весь сбор ему. (Слово «Кисин» зачеркнуто, написано карандашом: «сказал Майзельс». – Г.И.).

Пастернак всех заинтересовал и хотелось его к нам за-получить». (НИОР РГБ, фонд 162 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет, к. 6, ед. хр. 5. Дневник Тараса Мачтета № 43 12 июля 1920 – 11 сентября 1920. С.45).

10 000 – это 10 газет «Известия» или «Правда», по цене 1000 рублей за один номер.

И, конечно, эти деньги необходимы были Борису Пастернаку не на газеты, а, скорее всего, на дорогу из Касимова в Рязань и обратно, где он в это время жил у своего дяди И.И. Кауфмана, заготавливая вместе со своей сестрой Лидой, приехавшей в Касимов по командировке А.В. Луначарского для собирания фольклора, так как без этого документа невозможно было сесть в поезд, овощи с огорода дяди в тот голодный 1920-й год.

30 июля 1920 года Тарас Мачтет пишет в Дневнике о поэтессе Вере Васильевне Ильиной, жене друга Сергея Есенина Сергея Буданцева, о разговорах с нею о Борисе Пастернаке:

«<...>. Оказалось, муж её дружен с ним.

Я дал обещание привезти его в наши места.

– У вас, кажется, Пастернак выступал? – спросила Ильина.

– Как же, и в Касимов уже проехал.

<...>. В.В. прочла свои стихи <...>.

– Не нравится мне ваша Рязань, – говорила дорогой В.В.

– Скучный город, – вторил ей Кисин.

– А вот мы расшевелили её, – сказал я (повторяя ранее сказанные – Дневник № 43, Рязань 27 июля, вт., с. 61 об. – слова В. Кисина: «Расшевелили-таки мы Рязань». – Г.И.), показывая на Отдел просвещения, освещённый луной. В этом доме собираемся на понедельники. Зашли бы хоть раз.

– У вас Пастернак здесь выступал.

– Да. И в письме благодарил за приём и доставленное удовольствие, хочет ещё приехать, если мы ему сбор в 10 000 руб. обеспечим.

– Он славный малый, – похвалила его В.В., – и Вы его к нам тащите непременно.

– И нам он очень понравился

Хочешь – не хочешь, а вези к Ильиной Пастернака, показывай ему Баграмово...». (Там же, сс. 72, 73, 79, 79 об.).

Поэтический вечер стихов Пастернака, который устроили ему в Доме искусств в зале Отдела просвещения в ответ на его «длинное письмо», прошёл с большим успехом. Тарас Мачтет говорит об этом в своём Дневнике и о желании Пастернака купить или построить дачу в Баграмове, которое он высказал, возможно, как пишет Мачтет, под впечатлением звёздной ночи в Баграмове и потому к этому разговору больше не возвращался.

Возрождение России – это «вербы весенняя весть», как писал Вениамин Кисин в стихотворении, которое предполагалось к публикации в сборнике «Белена» – «Плаха пульса», а позднее стало завершающим как часть его неоконченного романа «Рязань на Яру»:

«Всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
спрятанным в зелень,

в бездорожьях, у плёсов –
по холмам и пригоркам, по полям и улогам –
всем –
одетым в колокольные звоны и в шёпот полей,
в крик журавлей и молчанье закатов,
в изумруде весны и
багрянце осеннем, –
всем –
косопузым, забытым, брошенным,
подслеповато усупленным в синь,
в платочках цветных и монашеских схимах,
всем – всем –
всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
у просёлков, у шляхов проезжих, в бездорожной
осенней грязи
и под снежным убором, и в галочьем крике –
вербы весенняя весть».⁸

Борис Пастернак живёт одним впечатлением от Касимова и от Рязани, когда пишет домой, что «Россия оживает», что Касимов – это Марбург, где дома лепятся, и в одном из его стихотворений в «Киновари» – тоже слово «лепился» сознательного значения скульптурного, архитектурного. И описание города Юрятина в романе «Доктор Живаго» напоминает Касимов: «Он ярусами лепился на возвышенности, ... дом на доме и улица над улицей, с большим собором посередине на макушке...». А описание дома, в котором жила главная героиня романа Лара, – это дом в Рязани.

«Пастернак пробыл в Марбурге всего четыре месяца – с апреля по август 1912 г. Там в университете он изучал философию в семинаре главы Марбургской школы Германа Когена.

Эпизод, который буквально перевернул судьбу поэта, описан в стихотворении 1916 г., хотя событие, положенное в его основу, произошло значительно раньше – 16 июня 1912 г. Это было объяснение с Изой Высоцкой, в которую он в то время был влюблён, предложение выйти за него замуж и её «отказ больше чем прощание».

<...>. Этот же эпизод описан в 1930 г. в «Охранной грамоте». <...>В эти жаркие марбургские дни во многом решалась его судьба. Вся его предыдущая жизнь, все его отказы и уходы, или, по его собственному выражению, «разрывы», были подготовкой к главному делу его жизни – поэзии.

Сначала естественный и относительно лёгкий разрыв с живописью, его детским увлечением; затем трагический и не изжитый до конца дней – с музыкой, которой на протяжении шести лет он занимался профессионально, и, наконец, совершенно зрелый и осознанный – с философией (...во всех этих сферах он был талантлив и успешен). Тогда же он делает ещё один осознанный и окончательный (т.е. до конца дней) выбор: он возвращается в Россию.

<...> В историю литературы Марбург ... вошел благодаря поэтическому шедевру Пастернака. <...> в Марбурге есть улица, названная его именем, а на фасаде дома, в котором он снимал комнату, выбиты его слова из «Охранной грамоты»: «Прощай, философия!».⁹

Марбург повернул Бориса Пастернака к его основному предназначению – поэзии, заставив его, до этого ушедшего от живописи и музыки, на этот раз отказаться от философии.

Но Марбург, оказавшись причастным к повороту Бориса Пастернака к поэзии, прошёл через всё его творчество и всю его жизнь - как наивысшая точка его поэтического самоопределения, где осталось место и для живописи, и для музыки, и для философии в его стихах, в его Слове.

И потому так радостно было поэту почувствовать животворящие истоки Марбурга в России, куда он вернулся бесповоротно, – в Касимове, прежде всего в образе его дяди И.И. Кауфмана, ставшего одним из прообразов (наряду с ним самим, Есениным и Маяковским) главного героя его великой книги «Доктор Живаго», и в Рязани, куда он не раз приезжал, и где прошёл с громадным успехом его поэтический вечер, где он в глубокой поэтической перекличке с поэтом Кисиным представил свои стихи, определив их как «наброски».

В сборнике «Киноварь»¹⁰, вышедшем 1 августа 1921 года, – стихи Бориса Пастернака.

Эти стихи Пастернака вошли позднее в сборники его стихов «Темы и вариации» (Весеннее и Зимнее) и «Сестра моя жизнь» (Осеннее «Это вечер из пыли лепился и пышущи...») – как часть стихотворения «Послесловье».¹¹

Наброски

Весеннее.

«Пара форточных петелек...»

С. 13. «Киноварь».

С. 214. Борис Пастернак. Собр. соч. в 5 тт. т.1. Худ. лит.1989.

Пара форточных петелек,
Февраля отголоски.
Пить, пока не заметили,
Пить вискам и прическе!
Гул ворвался, как шомпол.
О, холодный, сначала бы!
Бурный друг мой, о чем бы?! (в «Киновари» нет)
Воздух воли и – жалобы?!
Что за смысл в этом пойле?
Боже, кем это мелются,
Языком ли, душой ли,
Этот плеск, эти прелести?
Кто ты, март?
– Закипал же
Даже лед, и обуглятся,
Раскатясь, экипажи
По свихнувшейся улице!
Научи, как ворочать
Языком, чтоб растрогались,
Как тобой, этой ночью
Эти дрожки и щеголи.

Осеннее.

«Это вечер из пыли лепился и, пышучи...»

С.14 «Киноварь»

«Послесловье»

С.173 Б.Пастернак. Собрание сочинений в 5 тт. т. 1

Нет, не я вам печаль причинил.
Я не стоил забвения родины.
Это солнце горело на каплях чернил,
Как в кистях запылённой смородины.
И в крови моих мыслей и писем
Завелась кошениль.
Этот пурпур червца от меня независим.
Нет, не я вам печаль причинил.
Это вечер из пыли лепился и, пышучи,
Целовал вас, задохшись в охре, пыльюй.
Это тени вам щупали пульс. Это вышедши
За плетень, вы полям подставляли лицо
И пылали, плывя по олифе калиток,
Полумраком, золою и маком залитых.
Это – круглое лето, горев в ярлыках (нет в «Киновари»)
По прудам, как багаж солнцепёком заляпанных,
Сургучом опечатало грудь бурлака
И сожгло ваши платья и шляпы.
Это ваши ресницы слипались от яркости,
Это диск одичалый, рога истесав
Об ограды, бодаясь, крушил палисад.
Это – запад, карбункулом вам в волоса
Залетев и гудя, угасал в полчаса,
Осыпая багрянец с малины и бархатцев.
Нет, не я, это – вы, это ваша краса.

Зимнее

«Как не в своем рассудке...»

С.15 «Киноварь».

С.212 Собр. соч.

Как не в своем рассудке,
Как дети ослушанья,
Облизываясь, сутки
Шутя мы осушали.
Иной, не отрываясь
От судорог страницы
До утренних трамваев,
Грозил заре допиться.
Раскидывая хлопко
Снежок, бывало, чижик
Шумит: какую пробкой
Такую рожу выжег?
И день вставал, оплеснясь,
В помойной жаркой яме,
В кругах пожарных лестниц,
Ушибленный дровами.

«Я не знаю, что тошней...»

С.16 «Киноварь».

С.212. Собр. соч.

Я не знаю, что тошней:
Рушащийся лист с конюшни
Или то, что все в кашне,
Всё в снегу, и всё в минувшем.
Что пентюх, головотяп,
Там меж листьев, меж домов там
Машет галкою октябрь
По каракулевым кофтам.

Треск ветвей – ни дать ни взять
Сушек с запахом рогожи.
Не растряс бы вихрь – связать,
Упадут, стуча, похоже.
Упадут в морозный прах,
Ах, похоже, спозаранок
Вихрь берется трясть впотьмах
Тминной вязкою баранок.

«Ну, и надо ж было, тужась...»
С. 17 «Киноварь».
С.213 Собр. соч.

Ну, и надо ж было, тужась,
Каркнуть и взлететь в хаос,
Чтоб сложить октябрьский ужас
Парой крыльев на киоск.
И поднять содом со шпилей
Над живой рекой голов,
Где и ты, вуаль зашпилив,
Шляпку шпилькой заколов,
Где и ты, моя забота,
Котик лайкой застегнув,
Тёмной рысью в серых ботах
Машешь муфтой в море муфт.

«Между прочим, все вы, чтицы...»
С.18 «Киноварь».
С.213 Собр. соч.

Между прочим, все вы, чтицы,
Лгать охотницы, а лгать (нет в «Киновари»)
Мастерицы лгать, а лгать (в «Киновари»)
У оконницы учиться,
Вот и вся вам недолга.

Тоже блещет, как баллада,
Дивной влагой; тоже льёт
Слёзы; тоже мечет взгляды
Мимо, – словом, тот же лёд.
Тоже, вне правдоподобья,
Ширит, рвёт её зрачок.
Птичью церковь на сугробе,
Отдалённый конский чок.
И Чайковский на афише
Патетично, как и вас,
Может потрясти, и к крыше,
В вихорь театральных касс.

Слово «наброски» набрано малозаметным шрифтом, как будто только что напечатано на пишущей машинке, и это доносит до нас первозданность этих стихов, как только что написанных, которые даже в самом замысле мастера – совершенны как продиктованные Свыше.

Эти «наброски» – драгоценная «капля смарагда» Бориса Пастернака («О свежесть, о капля смарагда/ В упившихся ливнем кистях») в «смарагдовом поле» стихотворений Вениамина Кисина в этом сборнике, одно из которых – своё стихотворение «Дамаянти» Кисин посвящает Пастернаку.

Вениамин Кисин не просто пишет строчки посвящённого поэту стихотворения, он слагает гимн красоте, таланту, любви; здесь каждое слово исполнено высокой поэзии, начиная с имени Дамаянти – названия стихотворения, где Наль и Дамаянти – воплощение верности и самопожертвования:

Дамаянти

Борису Пастернаку

Снега припадают, как белая лань,
К голубям – голубым родникам.
Аукал ли, кликал коричневый Наль:
– Царственных лотосов родинка.

Кисин Пастернаку был важен и интересен. Не случайно он появляется в Москве в тех собраниях, где не бывал раньше, где теперь Вениамин Кисин выступал со своими стихами, с провозвестием люминизма, света творчества, который, как живая вода, окропляет «мёртвую косность вещей и пробивает брешь в безысходном тупике обречённой, тленной и проклятой историчности человечества с его ужасающим самообманом – построить железный мост к воздушному будущему».

В сборнике «Киноварь» стихи авторов размещены в таком порядке: Вениамин Кисин («Люцифер», «Богоматерь», «Черничка», «Дюймовочка», «Це-и», «Дамаянти» – Борису Пастернаку, «Сакья-Муни» – Дмитрию Майзельсу), Борис Пастернак (Весеннее, Осеннее, Зимнее), Дмитрий Майзельс, Рюрик Ивнев, Тарас Мачтет, Наталья Кугушева, Яков Апушкин.

Название этого сборника стихов, как и всех сборников, которые создавал Кисин, да и всё, что он писал, – глубоко значимо. Киноварь – красный сульфид ртути для получения ртути и приготовления красок – известна в глубокой древности в живописи Древнего Египта, Греции, Рима. Её использовали для приготовления краски в смеси с крапраном для прописывания крови на картинах. На Руси краски, изготовленные из киновари, использовали для росписи икон. И слово «кино» – от греческого слова, обозначающего движение, двигаю, двигаюсь. Это «кино», в котором варилось творчество поэта и вся его деятельность, пропитанная его кровью.

После того, как Дмитрий Майзельс и Тарас Мачтет в Москве получили согласие на приезд Сергея Есенина, Вениамин Кисин писал 28 августа 1921 года Тарасу Мачтету: «Посылаю Вам с Хориковым, который едет в Петроград, «Киноварь» (5 экз. Вам, пять Кугушевой, два Апушкину, два Пастернаку, пять отдайте в президиум обязательно).

Мы подготовляем здесь новый сборник «Огненный лебедь» в пользу голодающих с участием только рязанцев. Ваши два революционных пойдут, так же заметка со стихами на смерть рабочего Чернышёва и Жене Воцилиной. Недели че-

рез две открывается кафе (на углу Астраханской и Почтовой) приезжайте и захватите с собой кого-нибудь из поэтов, хотя бы Мареева...».¹²

Так как в это время он был очень болен («Летом 1921 заболел. Полтора месяца находился между жизнью и смертью. И сам он и все окружающие готовились к этому», – вспоминал его брат Борис Кисин.¹³ К тому же, Тарас Мачтет в это время находился в Москве, – он жил на три дома: Москва, Рязань, Баграмово), – Вениамин Кисин отправляет Мачтету в этом письме и письмо Есенину, спрашивает: «Почему Есенин не приехал?», – и просит, умоляет «дорогого Тараса»: «Тарас, очень меня обяжете, если зайдёте на квартиру Кугушевой и отдадите для него письмо и сборники «Киноварь». А лучше – постарайтесь для Таточки соберитесь к ней в больницу и обрадуйте бедную изнывающую душу письмом, а главное – сборниками. Написали ли чего нового. Кугушевой я посылал своё новое стихотворение «По Оке» – она Вам покажет его, надеюсь. Дорогой Тарас Григорьевич, постарайтесь побыть лично у Кугушевой и сообщите мне».¹⁴

Рязань, 28 авг. 1947.

3

Дорогой Тарас Григорьевич,
Простите, что не писал все время,
но я надеялся все к нам в Рязань,
а между тем Вам не удается
то-то выехать. Поезд идет
с Коржовыми, который едет в
Петроград, Киншарь (Бокс. Вам,
мать Кургушевой, два - Ануркины,
два Касперяку, мать отсюда
в президиум областного
Мы подготовили здесь новую
«Сборник «Омская Лесов» в
полном количестве с учетом
только розанцев. Ваши два револьвера
и охотничьи инструменты, так же заготовки
со стеклами на смену рабочим
Чернышеву и семье Водушкиной.
Куда же через две открывающейся
Казань (на фронте Астраханской
и Костомаров) приезжайте и

Затванимте с собою кого нибудь
из поэтов, хоти бы Мареева.
Норему Зелени не приехав?
Тарае, очень мнѣ обяжете
если зайдете на квартиру
Кукушевой и отгадайте гдѣ
нею пиевмо и сборники
Книоварь. А лучше - поеха-
раицеа гдѣ тайорки и
соберитесь к ней в больницу и
обрадуите бедную извивающую
душю письмом, а также
сборникама. Напишите ми
чело нового. Кукушевой я
посылаю свое новое стихотво-
ворение "По оле" - она Вам
покажет его, надеюсь. Воротит
Тарае Уморовича, пострадан-
тезь пойдите мило у Куку-
шевой и сообщайте мне,

Сергей Есенин приехал бы в Рязань со своими стихами и его стихи и ещё многих талантливых поэтов, в том числе собиравшихся приехать в Рязань Александра Кусикова, Вадима Шершеневича, были бы опубликованы в сборниках Рязанского отделения ВСП опять-таки только благодаря Вениамину Кисину, потому что только от выдающихся личностей зависит и литература, и искусство, и история.

«Россия оживает» и благодаря тому, что удалось найти архивные документы о приездах Бориса Пастернака в Рязань летом 1920 года и ему будет установлена мемориальная доска на доме (угол улиц Радищева и Свободы), где в зале Рязанского губернского отдела народного просвещения проходили четверги и понедельники Рязанского отделения Всероссийского союза поэтов и Рязанского Дома искусств, где Борис Пастернак встречался с рязанскими поэтами и где с большим успехом прошёл вечер его стихов.¹⁵ Борис Пастернак, любимый в Рязани своими стихами, воскреснет, снова будет у Кисина в Рязани в доме, где звучали и снова будут звучать его стихи.

Примечания Источники

¹ Б.Л.Пастернак. ПСС. Т. 3. С. 349.

² Р-portif.ru. А.О. Никитин. Судьба утопии: Рязанские государственные свободные художественные мастерские 1919-1920 гг.

³ ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 4. Рукописный альбом со стихами, посвящёнными Б.М. Кисину. Автографы авторов. Рязань – Москва. 1921-1925.

⁴ РГАЛИ. Ф. 324. Оп. 1. Письмо С.Д. Яхонтова Т.Г. Мачтету. 9/1-34.

⁵ РГАЛИ. Ф.324 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет Оп.1. Ед. хр. 4. Заявление инициативной группы ДИ во Внешкольный подотдел Губернского отдела народного образования. Б/д.

⁶ НИОР РГБ. Дневники Тараса Мачтета №№42 и 43. НБ РИАМЗ, НБ ГАРО. «Известия» Рязанского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1920-21 гг.

⁷ РГАЛИ, фонд 2255 В. Кисин и Б. Кисин, опись 2, ед. хр. 7. Борис Кисин. «Из воспоминаний». Машинопись. 1982 г. С. 3, 4.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 8. «Белена» – «Плаха пульса». С. 25; Оп. 1. Ед. хр. 10 «Рязань на Яру». С. 25.

⁹ Борис Пастернак. Неузнаваемая сторона. Иллюстрации Софьи Карауловой-Каре. Автор предисловия Ирина Калининская. Иерусалим: Изд-во «Филобиблон», Типография «Ной», 2017.

¹⁰ НБ РИАМЗ. РСР К-41.

¹¹ Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: У.-Фактория, 2008. Темы и вариации. С.153-155, 156-157; Сестра моя – жизнь. С. 114-115.

¹² РГАЛИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед.хр. 37. Письмо В. Кисина Т. Мачтету. 28 августа 1921 г. Л. 2об.

¹³ НБ РИАМЗ. Вступительная статья Б.М. Кисина в книге: Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М.: Изд. ВСП, 1923.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед.хр. 37. Письмо В. Кисина Т. Мачтету. 28 августа 1921 г. Л. 3. (Следующей страницы – продолжения письма нет. – Г.И.).

¹⁵ www.history-ryazan.ru. Сайт «История, культура и традиции Рязанского края». Галина Иванова. «Рязанский Дом искусств (31 августа 1919 – 22 июня 1921)».

Там же. Галина Иванова. «“Россия оживает” Пастернак у Кисина в Рязани».

«Радость будет»

Всё о Леониде Пастернаке, Борисе Пастернаке, Евгении Пастернаке мне удалось найти благодаря Елене Владимировне Пастернак, Евгению Борисовичу Пастернаку, Петру Евгениевичу Пастернаку и, конечно помощи-сопровождению из жизни вечной самого Бориса Леонидовича Пастернака.

Это опубликовано в моих работах:

«Приготовление к танцу», «Анна Снегина в рисунках Леонида Пастернака» – в книге «Коллекционеры рязанских усадеб», в журнале «Современное есениноведение», в Интернете на моём сайте и на сайте «История, культура и традиции Рязанского края»;

«В поиске подлинника отзыва Бориса Пастернака о Павле Васильеве», «Об отзыве Бориса Пастернака о Павле Васильеве» – в журнале Литературного института им. М. Горького, в журнале «Современное есениноведение», в книге материалов конференции Павла Васильева в РГУ им. С.А. Есенина, в журнале «Северо-Муйские огни», в Интернете на моём сайте и на сайте «История, культура и традиции Рязанского края»;

«В мире, где наичернейший сер» – на сайте «История, культура и традиции Рязанского края».

«Алмазная корона в небесах», «Эту ль жизнь поместить на плечах» – в книгах-подарках «Вениамин Кисин. Борис Кисин. Вербы весенняя весть», «Вениамин Кисин. Борис Кисин. Я снова буду жить», в Интернете на сайте «История, культура и традиции Рязанского края»;

«"Россия оживает" Пастернак у Кисина в Рязани» – в Интернете на сайте «История, культура и традиции Рязанского края».

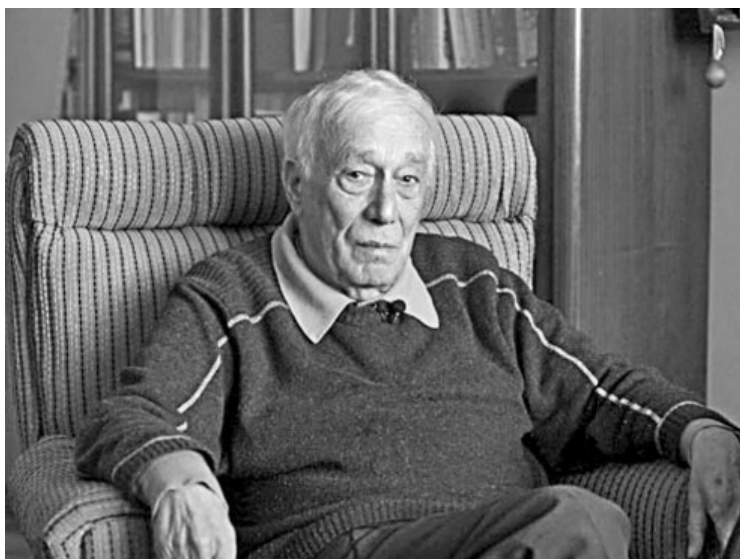
А «привела» меня в дом Елены Владимировны Пастернак и Евгения Борисовича Пастернака Тамара Николаевна Цуканова. Для публикации статьи «Приготовление к танцу» мне нужна была копия этой работы. В своих воспоминаниях Георгий (Юрий) Николаевич Кашин рассказал, что художник

Леонид Пастернак рисовал его и его сестру Нину и что в 1964 году эту картину «Приготовление к танцу» он подарил Третьяковской галерее. В Третьяковку я сразу не поехала, надеясь, безуспешно, найти репродукцию картины в книгах библиотек и коллекционеров Рязани. Зная от Ирины Константиновны Красногорской, что Тамара Николаевна Цуканова занималась исследованием творчества Леонида Пастернака, я позвонила Тамаре Николаевне в надежде выяснить, нет ли у неё издания произведений Леонида Пастернака с репродукцией его картины «Приготовление к танцу», У Тамары Николаевны тоже не было этой книги, но она мне продиктовала номер телефона Евгения Борисовича Пастернака, позвонила ему и тотчас позвонила мне, сообщив, что Евгений Борисович ждёт моего звонка. Я ответила, что не могу себе позволить обременять его такой просьбой, я закажу копию в Третьяковке, но я спрошу: может быть, есть легенда появления этой картины. А Евгений Борисович сказал: «Легенды нет, но есть дополнительные сведения, и на этой неделе мы будем дома».

Приехала я в Москву. Погода холодная, мокро-снежная, пасмурная. Еду в метро. Выхожу на Кропоткинской – ослепительное солнце. Это первое сопровождение Бориса Леонидовича Пастернака.

Елена Владимировна Пастернак привела меня в комнату, где Евгений Борисович Пастернак, (мудрый и деликатный, каким я впервые и всего в две короткие встречи видела его у него дома), сидел – и по-домашнему в кресле, и монументально не в смысле неподвижности, а живой, как будто Борис Пастернак это или здесь рядом, и даже в нём, хотя это было не абсолютное сходство, а прежде всего родственная идентичность, настолько сильная и для меня неожиданная, что я заставляла себя не показывать это впечатление.

Мне вначале не надо было ничего говорить: Евгений Борисович после телефонного разговора со мной знал, зачем я приехала. А за оконным стеклом на балконе пели и танцевали неголодные и небездомные, радостные, конечно, любимые пташки, прилетевшие, может быть, из Переделкина, откуда выселили Пастернаков те, кто был и остался никем, кто в силу своей неодарённости привык брать всё чужое как своё.

Елена Владимировна и Евгений Борисович показывали раритетные издания, вышедшие в Германии и в Англии, с репродукцией картины Леонида Пастернака «Приготовление к танцу», которая хранится в Третьяковке, и его рисунка, хранящегося в семейном архиве Пастернаков.

Я записала выходные данные, спросила, есть ли эти издания в Третьяковской галерее, и собралась уходить, сказав, что, может быть, я сегодня ещё успею сделать заказ. Евгений Борисович, не удерживая меня, неспешно провожая к выходу, так же основательно-неспешно сказал: «Третьяковка – это долго. Если бы по электронной почте...». Я тут же достала свою визитку с электронным адресом, а он, сказав так же медленно: «Нет», – вернулся к столу, написал мне электрон-

ный адрес своего сына: «Напишите Пете в письме, какие копии вам нужны и укажите, в каких изданиях, – и Петя вам пришлёт».

Петя – Пётр Евгеньевич Пастернак – прислал копии картины и рисунок работы своего великого прадеда.

Когда, спустя почти два месяца я прочитала в книге Евгения Крупина, что Леонид Пастернак своими работами участвовал в выставках в Рязани в 1907 и в 1914 годах, я снова позвонила Евгению Борисовичу, так как к этому времени у меня появились ещё вопросы. Он был в больнице, а Елена Владимировна, узнав о причине моего звонка, сказала, что картину «Приготовление к танцу» сам Леонид Осипович Пастернак атрибутировал как «Приготовление к чаконне» и добавила ещё одно с ног сбивающее «дополнительное сведение»: Леонид Пастернак рисовал не только детей константиновской помещицы Лидии Кашиной Нину и Юру, но и саму Лидию Ивановну, и эти рисунки, которые тоже могут меня заинтересовать, хранятся в семейном архиве.

И снова Пётр Евгеньевич прислал мне эти два рисунка, и теперь уже Пётр Евгеньевич ошеломил меня ещё одним подарком, прислав мне вместе с рисунками, опубликованными только в Англии, ещё один, неопубликованный.

Всю эту историю с подготовкой для публикации рисунков Леонида Пастернака во время моей переписки с Петром Евгеньевичем, как бы помогая, сопровождал своим присутствием Борис Леонидович Пастернак своим романом «Доктор Живаго» – рядом с монитором моего компьютера на экране моего телевизора шёл фильм сначала по РТР в ноябре 2007 года, потом по НТВ уже в январе 2008 года. Я рассказала об этом в электронном письме Петру Евгеньевичу Пастернаку, а на другой день, теперь по каналу «Культура» шёл фильм о судьбе «Доктора Живаго» и его автора. Это ещё одна переключка с Борисом Леонидовичем Пастернаком во время моего соприкосновения с этой эпохой и судьбами Кашиных и Пастернаков. Это участие Бориса Пастернака в судьбе его отца мне представляется неслучайным, так как Борис Леони-

дович очень остро переживал, мягко говоря, недостаточную известность великого художника, гражданина России Леонида Пастернака на его родине.

Вот таких людей послал Господь друг другу и нам всем. И как не вспомнить слова Анны Ахматовой о Борисе Пастернаке:

«Он награждён каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он её со всеми разделил».

(Анна Ахматова. Борис Пастернаку. В кн.: Сестра моя, жизнь / Борис Пастернак [сост. Е.В.Пастернак] – М.: Эксмо, 2007. На переплёте портрет Бориса Пастернака работы Л.О. Пастернака. Масло, 1924 г. С. 263).

Когда я привезла публикации в книге «Коллекционеры рязанских усадеб» и в журнале «Современное есениноведение», Елена Владимировна спросила, не попадались ли мне сведения о приездах Бориса Пастернака в Рязань, может быть, в воспоминаниях, в документах. Я ответила, что, к сожалению, в Рязани таких материалов нет. Есть только в Научной библиотеке Рязанского историко-архитектурного музея сборник стихов «Киноварь» с его стихами (о нём, как известно, писал Евгений Борисович в собрании стихотворений Бориса Пастернака). Я не знала, где именно встречался Борис Пастернак с рязанскими поэтами, какие это были встречи и где эти материалы искать, в каких архивах, может быть, есть такие сведения. Но эти её слова были первой ласточкой, с которой позднее в летящих воспоминаниях Беллы Ахмадулиной Борис Пастернак надоумил меня на дальнейшие поиски.

Елена Владимировна Пастернак подвигла меня и на поиски подлинника отзыва Бориса Пастернака о Павле Васильеве. Когда зашёл разговор о Павле Васильеве, о его дочке, Наталье Павловне, которая сейчас живёт в Рязани, Елена Владимировна сказала, что отзыв Пастернака известен только по первой его публикации Еленой Вяловой в «Литератур-

ной газете», – так, может быть, Наталья Павловна знает, где находится подлинник отзыва и текст «письма Бориса Пастернака», как сказано в письме Вяловой Пастернаку.

В поиске «автографа и возможно полного тексте письма» удалось выяснить, что не было, как хотелось найти, автографа отзыва и письма, что первоначальный подлинный текст отзыва Бориса Пастернака о Павле Васильеве, написанный на пишущей машинке под его диктовку, долгое время хранился в доме Гронских-Вяловых, а теперь – в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде 2871 П.Н. Васильев, опись 1, дело 10, № 19.

Потом я приезжала уже к одной Елене Владимировне, и на подаренной мне книге, я, уверенная, что это стихи Бориса Пастернака, прочитала: «Евгений Пастернак. Одиночество».

По цвету как «синенький скромный платочек», эта маленькая книжечка, составленная Еленой Пастернак,

«Про волны холодного моря,
Про берег отлогий,
Про сосны,
Про то, что в неслыханном горе)
(её автору и каждому из нас)
«плач одинокий ниспослан
Про невыполнимость задачи
Пробиться к свободе и свету,
И в меру реальности значить
Без пошлых отметок...»

(Евгений Пастернак. Одиночество... С.156. Май 1975) -,
не отпустила меня по прочтении её.

Записанных слов, которые приходили сами, мне, как всегда, было мало. Я стала читать всё, что нашла в Интернете и в библиотеке, что касалось Евгения Пастернака, и его слова о «Докторе Живаго» теперь не показались мне только переключкой с Борисом Пастернаком и его помощью в моей работе, как во время электронной переписки с Петром Евгеньевичем Пастернаком.

Евгений Борисович Пастернак и Борис Пастернак просто «заставили» меня по-настоящему прочитать великую книгу «Доктор Живаго», которую нельзя читать «по диагонали» и по фильму составлять впечатление по этой книге, потому что это «не кино».

После этих публикаций я не предполагала, что снова удастся соприкоснуться с судьбами Пастернаков. Но когда я прочитала в архивах материалы о создателе Рязанского отделения Всероссийского союза поэтов, Рязанского Дома искусств, начиталась его стихов и собралась устанавливать в Рязани мемориальную доску Вениамину Кисину, я, конечно, радостно позвонила Елене Владимировне Пастернак, хотя не нашла новых сведений о Борисе Пастернаке и не предполагала, что удастся найти материалы о его приездах к рязанским поэтам. Но это были сведения о поэте, который в Рязани издавал сборники стихов рязанских и московских поэтов, и было найдено письмо, в котором Вениамин Кисин говорил о передаче сборника «Киноварь» Борису Пастернаку с публикацией его стихов. Мне, как всегда, хотелось все новые факты, всю мою радость выплеснуть в слова, и мы порадовались этой находке. (Удалось: Вениамину Кисину установить мемориальную доску в 120-й день его рождения по новому стилю в нашем веке 21 марта 2017 года, и этот день, как благословение Свыше, оказался Всемирным Днём Поэзии; издать – с впервые опубликованными архивными документами, фотографиями и стихами – книгу-подарок «Вербы весенняя весть», Рязань, ИП В.Ю. Жуков, 2017, 140 с.; издать к 120-летию Бориса Кисина книгу-подарок «Я снова буду жить», Рязань, ИП В.Ю. Жуков, 2019, 308 с.).

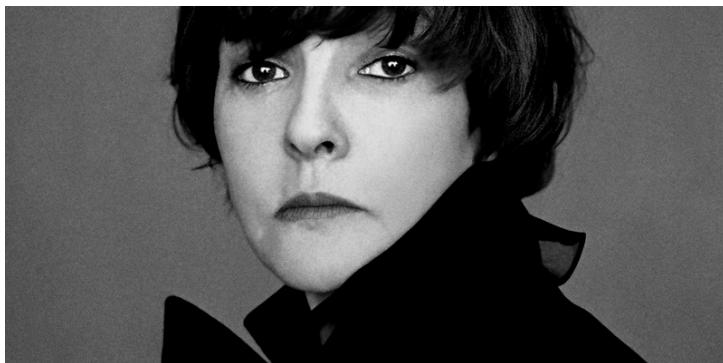
Сразу после разговора с Еленой Владимировной я пошла к полке книг и выбрала:

Белла Ахмадулина. Побережье. М.: изд. «Библиотека «Огонёк» №1, 1991.

Я не запомнила содержание этой маленькой давно прочитанной книжечки. Я просто хотела уйти в мир «артистизма

и безыскусности» гениальной поэтиссы Изабеллы Ахатовны Ахмадулиной, необходимой мне как дыхание.

Неожиданно и, конечно, не случайно ко мне пришли с первой страницы стихи и воспоминания Беллы Ахмадулиной 1962 года «Памяти Бориса Пастернака».

Так хочется передать всю гениальную возвышенность и простоту этих двух стихотворений и поэтичных, как стихотворения, воспоминаний Беллы Ахмадулиной. Но – только то, что нельзя не повторить, эти несколько строк. Это только отдельные слова двух стихотворений:

«Начну издалека, не здесь, а там
Из леса, как из-за кулис актёр.
<...>И кто-то – мы ещё не знали сами
Замаливал один пред небесами
Наш грех несовершенного ума».
«– О здравствуйте! Ведь дело к ноябрю –
Не холодно ли? – Вот и всё, не боле.
Как он играл в единственной той роли
Всемирной ласки к людям и зверью».

И как будто мне эти сказанные Белле Ахмадулиной слова Бориса Пастернака, сейчас первые в этой книге попавшие мне на глаза: «<...> О здравствуйте. Мне о вас рассказывали, и я вас сразу узнал. <...> У меня иногда бывают очень милые и интересные люди <...> Приходите же! <...>». Я по-

няла эти слова как приглашение в архивы, в Интернет, и стала уже подробно перечитывать и те материалы, которые изучала в связи с Вениамином и Борисом Кисиными. Я стала кропотливо-внимательно подробно вчитываться в те материалы, которые нашла в связи с именами Вениамина и Бориса Кисиных. И «зашла» на те страницы, где Пастернак у Кисина в Рязани. И нашла факты не только ранее известные по публикациям Бориса Пастернака в Рязани в сборнике Вениамина Кисина, но и о его встречах в Рязани с поэтами и о вечере его стихов в зале Дома просвещения.

На одной из подаренных мне книг Бориса Пастернака Евгений Борисович Пастернак написал своим летящим почерком: «Милой // Галине Петровне Ивановой// на радость// 16 июня 2009// Е.Пастернак».

(Борис Пастернак. Стихи и поэмы – Екатеринбург: У-Фактория, 2008).

Хотя «радость бывает редко,/как вешняя звень поутру» и хотя «никто не придёт назад» из жизни вечной, – во всех своих поисках и находках я знала и знаю, что «радость будет». И Евгений Борисович это знал.

«Радость будет». Будет установлена и мемориальная доска Борису Пастернаку на доме на углу улиц Радищева и Свободы, где в 1920 году в этом тогда Доме просвещения проходили четверги и понедельники созданных Вениамином Кисиным Рязанского Дома искусств, Рязанского отделения Всероссийского союза поэтов и где в Рязанском отделении Госиздата Вениамин Кисин публиковал стихи рязанских и московских поэтов.

Снова будет Пастернак у Кисина в Рязани.

«Радость будет».

Содержание

«Россия оживает» Пастернак у Кисина в Рязани.....	4-30
«Радость будет».....	31-39

Галина Иванова

«Россия оживает»
Пастернак у Кисина в Рязани

Подписано в печать
Формат 70х90/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Дизайн обложки В.Ю.Жуков
Печ. л. . Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-904308-07-0

Отпечатано
ИП Жуков В.Ю.
г. Рязань, ул. Чкалова, 33а
(4912) 99-13-40
(4912) 98-32-39
www.print-rzn.ru

Эта книга – подарок, продаже не подлежит